

Владимир Скребницкий

ДОЛГИЙ ПЕРЕУЛОК

«... Еще моя походка мне не была смешна,
Еще подошвы не поотрывались,
За каждым поворотом, где музыка слышна,
Какие мне удачи открывались!»

Булат Окуджава

«Наша семья с Долгово» - эту фразу я помню с детства, и, странное дело, дом 11А, с которого началась московская история нашей семьи, существует и по сей день: его облюбовало какое-то ведомство и сохранило почти в том виде, который он имел в начале века. Квартира на первом этаже этого двухэтажного дома с дореволюционного времени принадлежала моей двоюродной бабушке - Ольге Ивановне Заремба (урожденной Бибиковой), которая служила заведующей канцелярией на высших женских курсах в Москве, а ее муж- поляк Антон Владиславович Заремба- имел большой отдел в «Русских ведомостях». Вот в эту-то квартиру и переехала вся многочисленная Бибиковская семья после того как их имение " Тихий хутор" в Тульской губернии было разграблено во время гражданской войны.

Брат Ольги Ивановны, мой дед - Иван Иванович Бибиков был человек явно не заурядный. Внешностью очень похожий на Чехова: тот же разрез глаз, пенсне, борода... он совмещал в себе сдержанность, рассудительность и холодность со страстностью, проявлявшейся в разных увлечениях, которым предавался всю жизнь.

Первым из них была революционная деятельность. Закончив юридический факультет, он до 1905-го года осуществлял связь между Лениным и Плехановым, жившим в Швейцарии. Его партийная кличка была "Клещ". В одном из писем Ленин упоминает, что приезжал «Клещ» и что-то ему сообщил... За эту деятельность он был три раза арестован, сидел в разных тюрьмах, заработал туберкулез и, в конце концов, был отпущен на поруки своего друга - известного адвоката- под честное слово, что этой гадостью больше заниматься не будет. Слово он сдержал.

Следующей страстью были ирландские сеттера. Здесь он составил себе имя, известное до сих пор... Его собаки Ральф и Наяда стали знаменитыми и положили начало определенному типу «ирландцев»... Есть старая фотография, сделанная еще в имении: в саду за столом, на котором стоит самовар, на табуретках восседают два сеттера и немецкая легавая ... И, если во время прогулки по улице или по лесной дорожке к вам на всех парах подлетает длинноногий, длинноухий рыжий красавец - знайте, дело здесь не обошлось без Ивана Ивановича Бибикова.

Потом были шахматы. Он ни в чем не любил быть дилетантом: к шахматам, как и ко всему, чем занимался, относился серьезно - тратил много времени, изучал теорию, и по воспоминаниям, за достоверность которых не ручаюсь, играл так, что его сравнивали с самим Чигориным.

Были и другие страсти, но одна прошла красной нитью через всю его жизнь - женщины... Моя мать в своих воспоминаниях пишет, что у него было пять жен. По меркам истинных ловеласов не так уж это и много - всего пять жен... Но именно жен! Не любовниц, не подруг, а обязательно - жен. В этом вопросе он тоже был очень серьезен: каждый раз разводился, женился, пытался завести семью... Однако, повторяю, человек он был холодный, строгий, и многих женщин это, видимо, не устраивало.

Наиболее благополучно сложился его брак с последней женой, которую он «увел» у соседа по даче... Дачами этими, кстати говоря, был существующий и поныне, поселок Сокол¹, в строительстве которого он принимал участие... Но счастье это было, увы, недолгим. В 30-х годах, опасаясь ареста - тогда арестовывали многих, а уж связному между Плехановым и Лениным, способствовавшему разведению в России ирландских сеттеров, этой судьбы было явно не избежать - он уехал работать на Кольский полуостров в Хибины, где у него обнаружился рак пищевода. В Москву он вернулся тяжело больным человеком, был прооперирован и, не желая оставаться калекой, принял большую дозу морфия. Ему было 52 года.

* * *

Одной из жен Ивана Ивановича была детский врач из Петербурга (он познакомился с ней еще в Швейцарии) - Цецилия Львовна Сливко, родившая ему двух дочерей: Таню и Валю. От Татьяны Ивановны Бибиковой и Георгия Алексеевича Скребицкого, летом 1934 года, в родильном доме Грауермана родился я.

Детство свое помню довольно смутно, но память высвечивает фасады домов, дворы, переулки, по которым меня водили гулять; целые кварталы материка, раскинувшегося между Содовым кольцом и Плющихой, спускающегося кривыми Ростовскими переулками к Москве реке и ограниченного с Северо-Запада Бородинским мостом, а с Юго - Востока - Новодевичьем монастырем. В центре материка был огромный, по моим тогдашним понятиям, сквер - Девичье поле, на котором стоял, высеченный из гранитной глыбы, идол, хмуро глядевший из под нависших бровей и засунувший за пояс пальцы - Лев Николаевич Толстой.

Вокруг Девичьего поля тянулась низенькая ограда, через которую можно было спокойно перешагнуть. Там все гуляли свободно: малыши резвились

¹ Его домик стоит там и сейчас. Адрес: улица Кипренского, дом 4.

на детской площадке; зимой скатывались на чем попало с горки у подножья Льва Толстого; молодежь каталась на коньках на стадионе «Буревестник», примыкавшему к Девичьему полю, а влюбленные, как им и положено, сидели на скамейках под прекрасными липами (это, конечно, летом) и что-то там делали.

Эту оживленную жизнь Девичьего поля охраняло, расположенное по другую сторону улицы, спокойное могучее здание Военной Академии им. Фрунзе. Оно представляло собой квадрат не слишком высокий, но очень гранитный, с огромной широкой лестницей и мощными парапетами, по которым я любил расхаживать, заряжаясь силой от них исходящей. Здание это как бы никем не охранялось - по крайней мере, я не помню часовых или что ни будь в этом роде - да и кому могло бы прийти в голову посягнуть на такое могущество? Для вящей убедительности на крыше Академии стоял танк.

* * *

Фасад Академии смотрел на Девичье поле, правый ее фланг на Плющиху, а левый на Новоконюшенный . С него то и начинались эти кружева переулков, тянущихся от Девички до Бородинского моста, огороженные справа Садовым кольцом, а слева Москвой- рекой. Вот они- эти переулки: Новоконюшенный, Долгий, Серпов, Земледельческий, три Неопалимовских, Ружейный и, спускающиеся к Москве реке, семь Ростовских.....Седьмой Ростовский проходил через высокий бугор, на котором стояла 31-ю средняя школа, в которой я проучился десять лет. Затем, через какое-то время, она превратилась в Хамовнический нарсад, где, судя по фильму « Мимино», судили Бубу Кекабидзе, а затем и других не менее известных людей.

Я учился в этой школе, совершенно не интересуясь тем, что это за школа, откуда она взялась, кем и когда была построена - какое мне до всего этого было дело? Школа как школа, в округе таких много: 34-я на Плющихе, 47-я

во дворе 1-го Неопалимовского... У моей школы было только то преимущество, что ее двор переходил в крутой склон, с которого зимой на портфелях или просто на пятых точках мы скатывались аж до самой набережной Москвы реки. И всего- то....

А ведь это была знаменитая Алферовская гимназия – по мнению многих - лучшая женская гимназия в Москве. Она была основана супружеской четой энтузиастов- педагогов Алферовых на деньги благотворителей, среди которых был С. А. Муромцев. Здание построил в начале века архитектор И. А. Иванов-Шиц. Александра Самсоновна вела математику, Александр Дмитриевич- русский и литературу. Среди учеников они назывались «Шурками». Состав преподавателей был, можно сказать, звездный: историю искусств преподавал Александр Борисович Гольденвейзер, философию- Алексей Федорович Лосев, логику - Густав, Густавович Шпет. Были и другие известные имена, но и перечисленных, думаю, достаточно, чтобы понять какого уровня было преподавание. Гимназия отличалась строгостью нравов (наверно, инициатива исходила от Александры Самсоновны): «... при постановке спектаклей из классических текстов удалялись "опасные места", такие слова как "перси", "трепет желаний" — вымарывались, в спектаклях же на платьях XVIII века удлинялись рукава и зашивались вырезы на груди, вход юношам в гимназию даже на театральные или танцевальные вечера был запрещён, с гимназистками танцевали только проверенные родственники Алфёровых или молодые преподаватели»*

Из стен гимназии вышло много ярких личностей: актрис, писательниц.....В 1907- м году там училась Марина Цветаева, но ее свободолобивый нрав плохо сочетался со строгими порядками гимназии, и она скоро ее покинула....Ну а потом была революция: гонения на преподавателей и учеников, смена содержания самих уроков,... наверно, было уже и не до строгих нравов...

*Реформатская Мария. Алфёровская гимназия // Наша Плющиха. Тетрадь воспоминаний. М.: Близнецы. 2008. С. 410

К сожалению, Алфёровы оказались связанными с антибольшевистской организацией «Национальный центр»....Не думаю, чтобы принимали в ней активное участие, они были слишком озабочены судьбой своих учениц: вывозили их на лето в подмосковные деревни, чтобы девочки могли отдохнуть и подкормиться, но Александр Дмитриевич попал в какие-то списки ЧК, и в августе 19-го «Шурки» были арестованы, а в сентябре – расстреляны. Потом были какие-то разговоры, что «по ошибке». Но люди, увы, порой совершают ошибки, исправить которые уже не в их власти.

Все эти сведения об Алфёровской гимназии я почерпнул из Википедии, а, когда учился в 31-й школе в 42-м – 52-м годах, естественно, и не подозревал, что может быть сию в том же классе, где когда-то сидела Марина Ивановна Цветаева или бегаю по коридору, по которому прогуливался Густав Густавович Шпет....Да и имен таких я тогда, разумеется, не слышал, если не считать того, что подругой моей матери была Маргарита Густавовна Шпет- дочь Густава Густавовича от второго брака. Мир тесен. Кстати, этот «второй брак» был у него с Наталией Гучковой-ученицей все той же Алфёровской гимназии. (Вот тебе и «строгость нравов»!)

* * *

Если, стоя у Алфёровской гимназии, смотреть на Москву- реку, то справа неподалеку можно было увидеть полуразрушенную колокольню, которая, казалось, тут совершенно неуместной ... А ведь это была колокольня церкви «Благовещенья на Бережках». На старых фотографиях видно как замечательно смотрелась она, стоявшая на крутом берегу Москвы- реки, на вершине Мухиной горы !

Но большевикам она, естественно, была ник чему, и они решили ее снести. Поначалу архитектор Щусев попытался спасти церковь отгородив ее от Плющихи огромной полуподковой из красного кирпича- многоэтажным Домом архитекторов. Казалось, что это создаст очень впечатляющий архитектурный ансамбль: старинная церковь на фоне вновь возведенного современного здания. Но этот замысел не прошел: церковь все же снесли, оставив только колокольню, которую доби́ли в 60-х годах. Церковь Благовещения и дала название переулку, который шел параллельно Москве-реке и спускался в овраг- Большой Благовещенский (затем 7-ой Ростовский). Заканчивался он в низине («в овраге»), где находились известные в мое время всей округе Виноградовские бани.

Если от бань подниматься по «вражскому» переулку наверх к Плющихе, а затем пройти немного направо, то оказываешься возле причудливого здания в форме улитки - клубу «Каучук» (или, если быть точным, клубу завода «Каучук»). Только позднее я узнал, что это довольно нелепое, с моей тогдашней точки зрения, сооружение является шедевром архитектора Константина Мельникова, соорудившего наверху улитки площадку, с которой вожди могли бы принимать парады, проходившие на Девичьем поле. Не знаю, использовалось ли здание когда-нибудь в таких целях, но я воспринимал его просто как один из окрестных кинотеатров, сыгравших, правда, некую существенную роль в моей жизни...но об это чуть позднее.

От клуба «Каучук», или может быть чуть дальше- от угла Академии начиналась Плющиха, и, если, идти по ней мимо Долгого, Неопалимовского, Ружейного, мимо кинотеатра «Кадр» то, перейдя Дорогомиловскую улицу, спускавшуюся от Смоленской площади к Бородинскому мосту, оказываешься в злочном районе Проточных переулков, славящихся бандитизмом и проституцией... Можно, конечно, ехать и на трамвае: сесть, скажем, на 31-й у булочной на той же Плющихе и ехать мимо "Кадра", мимо

Смоленского метро, спускаясь в гущу Проточных переулков и выезжать к Новинскому бульвару, Горбатову мосту и женской тюрьме. Но я предпочитал гулять, и все эти слова: бандитизм, проституция, женская тюрьма...- придавали остроту и трепетность фантазиям, во власти которых я жил.

По другую сторону Девичьего поля вдоль Москвы- реки располагался более фешенебельный район: небольшие парки, медицинские институты, клиники, и главная артерия этого района- Пироговка плавно спускающаяся в низину, увенчанную куполами Новодевичьего монастыря. Подле монастыря не было ни пруда, ни лебедей, ни уток, и там нельзя было, как сейчас, прохаживаться и выгуливать собак, потому что на этом месте красовалась огромная свалка мусора.

Но сам монастырь, или, по крайней мере, Храм в нем, действовал и в те годы.....

Помню как однажды - это, видимо, было где-то в конце войны, отец водил меня на Пасхальную службу. Саму службу не помню. Помню лишь, что в церкви было тесно и душно, и толпа как-то раскачивалась из стороны в сторону. В какой-то момент мне стало дурно, и отец протиснулся к левому клиросу, и выволок меня наружу. Слова эти мне очень понравились, и я потом гордо рассказывал знакомым, что мы вышли через " левый клирос ".

Была ранняя весна, мы шли по Пироговке, а дома нас ждала мама с куличом и крашенными яйцами...

Рельеф берегов Москвы- реки, также как и многих наших среднерусских рек являют собой череду " крутцов" и " плосок ". Моя 31-я школа стояла на крутце, а напротив нее на плоском берегу был Киевский вокзал. Затем мой берег выполаживался и за Новодевичьим монастырем становился низиной, именуемой Лужники, тогда как противоположный берег, наоборот,

переходил в крутизну Воробьевых гор, увенчанных церковкой , в которой венчался Суворов...

Ни нового здания Университета, ни трамплина, ни смотровой площадки тогда, разумеется, не было.....Но излучина Москвы - реки, переходящая в Крымский брод, расплывающаяся в болотах Балчуга, и возвышающаяся Кремлевским холмом - существовала всегда... А иначе ничего бы и не было.

* * *

И все же центром притяжения в первые послевоенные годы был для меня отнюдь не Новодевичий монастырь, а двор дома в Ружейном переулке, в десяти минутах ходьбы от Долгого, куда мои родители переехали перед войной. Двор этот был соединен бесчисленными проходными дворами с Плющихой, тем же Ружейным, Садовым кольцом и... казалось, со всем миром.

Когда война кончилась, мне было неполных одиннадцать лет, и, именно, с этого времени я веду свое настоящее летосчисление. Именно в этом возрасте я начал чувствовать вкус к жизни и наплывы мощного эротического потока, который нес меня все годы, и в котором продолжаю барахтаться и по сей день.

Ружейный переулок в ту пору состоял из двухэтажных оштукатуренных домиков, между которыми росли тополя. Контрастом этому пейзажу была прекрасная башня из красного кирпича, которая возвышалась по соседству с нашим домом. Позднее я узнал, что башня, доходный дом- шедевр архитектора М. А. Исакова. В то время я, конечно, не имел об этом никакого понятия, но мне почему-то казалось, что из широкого центрального окна должна обязательно литься музыка (может, она когда-нибудь, действительно и лилась), и мысленно я прозвал этот дом музыкальной школой.

От «музыкальной школы» я поворачивал в Земледельческий переулок, проходил мимо дома офицеров, где в прежние времена была земледельческая академия, и с замиранием сердца - мимо двухэтажного домика, что почти напротив дома офицеров. С «замиранием сердца», потому что однажды, поздно вечером занавеска в окне на первом этаже была не совсем задернута, и я увидел женщину: на ней была только комбинация, она стояла... я не знаю, перед чем она стояла, может быть это было зеркало, она что-то делала с волосами, я не мог разглядеть ее толком: все внутри меня слишком стучало, слишком томилось; она отошла, и я перестал ее видеть, но потом еще много раз подкрадывался к этому окну, и не только к нему: все окна стали тянуть меня к себе, я сделался их пленником, их часовым; я не понимал, что со мною происходит, но со мной что-то происходило, что-то дурманило меня каждый вечер, тянуло в проходные дворы, к окнам на первом этаже, заставляло жадно впитывать и благословлять те обрывки жизни, которые оставляли мне незашторенные части окон... Это была послевоенная Москва, а сколько мне было лет я уже сказал.

Еще немного вперед, и я оказывался на углу Земледельческого и 1-го Неопалимовского, возле известного всей округе Дома пионеров. Драмкружок в этом доме вела замечательная женщина- Александра Осиповна Гроссман- ученица Станиславского, жена писателя Розанова, прославившегося своим хитом «Приключение Травки». У нее были седые, вьющиеся волосы и очень живое лицо. От нее исходила энергия, заставлявшая всех кружковцев с воодушевлением участвовать в ее бесконечных сценических замыслах.

В те годы было очень принято, чтобы в какой то момент во время партийной конференции или еще какого- ни будь мероприятия в этом же роде, на сцене появлялись юные пионеры, вдыхающие жизнь и « молодой задор» во всю эту тягомутину. Именно эту роль мы и выполняли: что- то восклицали, читали стихи, выстраиваясь в разные фигуры, а потом бодро

маршировали со сцены под одобрительные аплодисменты, проснувшихся участников собрания.

Но этим наша сценическая жизнь не ограничивалась. Александра Осиповна ставила в Доме пионеров разные пьесы и инсценировки, в которых мне отводились довольно скромные роли, поскольку лет мне было еще мало, что, впрочем, не мешало быть влюбленным в ее дочь Лялю.

В семейном архиве хранилась записка, написанная крупным детским почерком: « Ляля, твои черные глаза все больше и больше не дают мне покоя. Приходи *тогда-то и тогда-то* на Девичье поле, я объясню тебе свои намерения. Володя Скребицкий, (который играл Колю Колокольчикова в спектакле «Тимур и его команда»). Записка, видимо, не была отправлена, и намерения не были объяснены. (Но были же, черт возьми, « намерения» !).

Затем у Александры Осиповны возникла идея поставить « Любовь к трем апельсинам », в которых мне отводилась роль принца Тартальи. Я был очень горд и чувствовал себя вполне принцем до того момента, когда однажды, придя в кружок, обнаружил, что все переменили, и принца Тарталью будет играть Изя Гейман (Опять они!). Я обиделся и в Дом пионеров ходить перестал.

* * *

Постоянным маршрутом моих прогулок в те годы были Ружейный, Земледельческий, Первый Неопалимовский , Второй Неопалимовский... Сворачивая в него, я конечно не знал, что на месте скверика и углового дома когда то стояла замечательная церковь, главной иконой которой была Неопалимая Купина, хранившая окрестные дома от многочисленных московских пожаров и давшая впоследствии название трем соседним переулкам. Не задерживаясь на этом месте, я выходил в Долгий и оказывался рядом с высоким серым домом, где в разное время жили мой одноклассник Эдик Голоскер и Василий Кандинский.

Кандинский жил там в двадцатых годах после своего возвращения из Германии в начале Мировой войны. В Мюнхенском музее Ленбах-хауз висит картина «Зубовская площадь», написанная им в 1916-ом году, с верхнего этажа дома, где размещалась его мастерская.

В революционной России Кандинский занимал важные посты: член комиссариата Народного искусства, профессор СВОМАС, ИНЧИК...., но эти величественные и малопонятные аббревиатуры не смогли удержать его в стране и в 1921 г. он с молодой женой Ниной Андреевской снова вернулся в Европу, где и остался до конца дней.

На доме в Долгом переулке, где жил Василий Кандинский висит мемориальная доска. Увы, ее не удостоился мой школьный приятель Эдик Голоскер, к которому, прогуливая уроки, я заходил, по дороге в святилище, расположенное напротив его дома - клуб Горького... Невзрачное здание, которое, наверное, не задумываясь, снесли при реконструкции Зубовской площади... Но в этом здании, в кинозале с низким потолком и обшарпанными стенами, в первые послевоенные годы, открылся мир, о существовании которого мы- дети войны, даже не подозревали: небоскребы, шикарные рестораны; всадники в широкополых шляпах, несущиеся по прериям, распахивающие дверь в баре, заказывающие виски, вынимающие изо рта сигару, выхватывающие из-за пояса пистолет; прекрасные женщины, вальсирующие на балах, а потом, томно стоящие у окна, за которым кипарисы, сад, залитый луной и волны моря мягко шелестят о прибрежный песок... Здесь - ребята, гоняющие по двору консервную банку, там- Дуглас Фербенкс, сражающийся на рапирах с очередным негодяем; здесь- свалка мусора, там- Индийская Гробница; здесь- Владимир Бунчиков: "Летят перелетные птицы...", там Бениамино Джильи : " Горели звезды, благоухала ночь, дверь тихо отворилась, любимая вошла и на грудь мне упала. " Упала МНЕ на грудь!...Какая там школа! Какая к черту физика!

Эти фильмы, 30-х годов, вывезенные из побежденной Германии демонстрировались полуофициально в клубах и маленьких кинотеатрах. На афише не значились ни название, ни страна... просто "кинофильм". Но как волнующа, как таинственна была эта афиша... просто "кинофильм".. Вот, «Мститель из Эльдорадо»... Карета останавливается, из нее выходит незнакомка. Она делает всего несколько шагов и, пронзенная пулей, падает кому-то на руки. Она жила на экране не более трех минут, а я потом мечтал о ней целый месяц... и мы часами гуляли с ней по Девичьему полю...

Вот Грета Гарбо. Она так слаба, что едва может подняться с кресла. Ее прекрасная рука с трудом дотягивается до стакана с водой... Она уже не ждет Альфреда - она в нем разочаровалась- она уже ничего не ждет... Но я- я ее врач, я знаю, как вылечить ее заболевание... "Обопритесь на мою руку, доверьтесь мне...все будет хорошо..." Она поднимает на меня глаза, в которых вдруг появляется надежда... Дальше все расплывается, но это и неважно - мы вместе...

Но и незнакомка из «Мстителя из Эльдорадо», и Грета Гарбо, и многие другие объекты моих мечтаний исчезли, когда с экрана «клуба Каучук» сбежала Дина Дурбин, взволнованная и радостная, ищущая глазами кого-то, кто должен был ее встретить...И с этого момента все, что было со мной раньше, оборвалось...Могучий мутный поток, который нес меня через проходные дворы, мимо свалок мусора, мимо голубятен, мимо тополей, по лабиринту заборов и дворов, сквозь чердаки, забитые хламом, сквозь слуховые окна, выходящие на покатые крыши, вынес меня к клубу "Каучук", где на афише значилось: "кинофильм" - ни названия, ни страны, и я увидел ее и воспарил...

Воспарил над послевоенной Москвой - как может воспарить мальчик, входящий в дом, где всю ночь кутили взрослые, где стол залит кровью вина, где всюду разбросана битая посуда и недокуренные папиросы, где пиршество

войны смешало роскошь и убожество, где ни у кого еще нет сил начать убирать и наводить порядок...

И мальчик понимает над этим «пейзажем после битвы» в парах молодости и похмелья и опускается в истому подмосковных дач, зеленых участков, волейбольных площадок, патефонной музыки, и встречает девушку, выбежавшую из пансиона, и начинает любить первый раз в жизни.

* * *

Все переменялось с тех пор. Переменялись переулки, по которым бродил я в дурмане молодости и предвкушения какой-то необыкновенной жизни. С Девичьего поля убрали хмурого идола. *Вместо него на углу сквера в вальяжной позе, закинув ногу на ногу, сидит великий писатель земли русской, благосклонно взирающий на Хамовнический переулок, переименованный в улицу Льва Толстого (Сомневаюсь, что он порадовался бы этому переименованию. Сомневаюсь также, что замечательный хирург Николай Нилович Бурденко, именем которого назван основанный им Институт нейрохирургии и военный госпиталь, порадовался бы переименованию переулочка, в котором он жил: что ему эта «улица Бурденко»? Ведь мы же оба с ним «с Долгого»)

Нет больше в Ружейном переулке двухэтажного деревянного оштукатуренного домика и наших трех комнаток в коммунальной квартире с тополями под окнами, с голландской печкой и с неустрашимыми клопами, обитавшими под обоями и особо возлюбившими деревянные рамы висевших на стенах картин; с соседями, бывшими поначалу нашими ближайшими друзьями и превратившимися под конец в злейших врагов: с жильцами первого этажа: тетей Сашей, подолгу просиживавшей около окна и всегда со всеми ласковой и приветливой; ее дочкой—Лидухой, работавшей в детском саду, а в свободное время игравшей с упоением в волейбол на соседнем дворе; тетей Катей— высокой мрачноватой женщиной, у которой

был сын Игорь—краса и гордость всего нашего двора: он был летчик, и когда ненадолго приезжал домой, все мы сбегались, чтобы полюбоваться на него, а он улыбался нам доброжелательно и снисходительно.

*Этот памятник стоит сейчас во дворе дома Л.Н.Толстого на
Пречистинке

Нет больше соседнего, такого же, как наш, оштукатуренного двухэтажного домика, где жила старушка латышка Ольга Эдуардовна, еще перед войной учившая меня немецкому языку, а как-то в 42-м или в 43-м году устроившая (не помню уж, по какому поводу) пир, на который были званы многие соседи. Нас угощали яством, которое называлось ботвинник, и приготавлилось из свекольной ботвы. Это было царское угощение! Никогда ни до, ни после я, кажется, не ел ничего столь вкусного... Это были самые голодные московские годы...

Нет больше ничего этого. Ружейный переулок теперь - это один длинный девятиэтажный дом, который, фактически поглотил мою «музыкальную школу», так что, для того чтобы ею полюбоваться, надо завернуть в Земледельческий. В этом длинном доме все дышит комфортом, благополучием и... однообразием. И как же невелико оказалось это расстояние, измеренное одинаковыми подъездами, где люди сплошь да рядом почти не знакомы с соседями по лестничной клетке. Где же размещалась вся эта пестрая, беспорядочная, цыганская жизнь, протекавшая между бесконечными заборами, дровяными сараями, голубятнями, бомбоубежищами; жизнь, которая, как мне казалось, занимала целый огромный материк, раскинувшийся между двумя великими реками: Плющихой и Садовым кольцом?

Воды времени поглотили этот материк. Скоро они поглотят и меня: я уже чувствую, как они подступают к душе моей. Но пока они не накрыли меня с головой, я плыву по ним от Зубовской площади, мимо клуба Горького, мимо дома Кандинского, мимо дома врачей, в котором жил Бурденко, мимо нашего дома, мимо молочного магазина на углу Плющихи, ... плыву переулком, который когда-то, кому-то казался Долгим.

Желающие посмотреть фотографии к этому рассказу могут зайти на сайт www.skrebitsky.ru / рассказы/ Долгий переулоч.